

Глава 18. Паразиты

Покинув Чжунъань, Ли Мэн впервые за долгое время выпался по-настоящему сладко. Когда он открыл глаза, солнце уже стояло в зените. Едва они с Чжао Лои закончили полуденную трапезу, как на пороге появился слуга, чтобы проводить их.

Уже перед самым выходом Чжао Лои оглянулся на взъерошенную макушку Ли Мэна, негромко подозвал мальчишку к себе и заново перевязал ему волосы.

Усадьба Обители праздных оказалась огромной. Раскинувшись на склоне горы, она щеголяла рядами аккуратных черепичных крыш, карабкавшихся вверх по уступам. Между высокими каменными стенами вились узкие, изломанные тропы, словно высеченные в скале лабиринты; случайный путник, не зная дороги, ни за что не отыскал бы проход из парадной части вглубь поместья.

— Впереди Двор северного спокойствия, там живет господин Сунь, — заговорил провожатый, заискивающе улыбаясь. — Госпожа велела не тревожить его: он любит покой, так что прислуге туда соваться заказано. Разве что еду трижды в день носим, а в остальном за ним ходит собственный ученик. Хотя «ходит» — это еще мягко сказано. Ученик-то у него куда привередливее самого мастера, характер у парня — чистый порох, со странностями.

— И в чем же эти странности? — с любопытством спросил Ли Мэн.

— Стоит кому-то подойти к господину Суню ближе, чем положено, как этот малец тут же лезет с кулаками. Как-то раз объявился у нас один непонятливый больной, так посреди ночи его просто-напросто вышвырнули за ворота усадьбы.

Чжао Лои лишь презрительно хмыкнул:

— Пусть только попробует протянуть к нам свои грабли. Какую руку занесет — ту я ему и отрублю, заберу с собой да в вине замариную.

Ли Мэн поспешно выдавил виноватую улыбку:

— Мой учитель шутит, почтенный, он этого не сделает.

Проводник испуганно покосился на Чжао Лои. Он случайно скользнул взглядом по руке мужчины, задержавшись на темной татуировке у самого основания большого пальца. Сглотнув вставший в горле ком, слуга торопливо довел их до ворот Двора северного спокойствия и, поспешно откланявшись, буквально сбежал.

Ли Мэн уже занес ногу над порогом, но вдруг замер, шагнул обратно и серьезно посмотрел на спутника:

— Учитель, могу я попросить вас об одном одолжении?

Чжао Лои вопросительно приподнял бровь, безмолвно предлагая продолжать.

— Когда увидим господина Суня... не могли бы вы быть с ним помягче? Ну, хотя бы немного вежливее.

— Я со всеми обхожусь исключительно учтиво и благонаравно, — невозмутимо отозвался Чжао Лои.

Ли Мэн лишь мысленно вздохнул. В самом деле, о чем он просит? Чжао Лои исходил Поднебесную вдоль и поперек, приняв на себя больше ударов мечом, чем сам Ли Мэн нанес за всю свою недолгую жизнь — ведь парень, по сути, еще ни разу толком не пролил чужой крови. Ему ли не знать: люди, обладающие столь сокрушительной силой, никогда не станут лебезить перед другими без крайней нужды. Поднебесная — не императорский двор; здесь уважают не чины, а сталь и силу духа.

— Не бойся, сейчас нам от него кое-что нужно, — Чжао Лои примиряюще потрепал мальчишку по затылку и первым шагнул во двор, цепким взглядом окидывая окрестности.

В воздухе витал горьковатый, едва уловимый аромат сушеных трав и снадобий.

Они миновали узкую тропинку, стиснутую пышными кустами орхидей, и вышли к просторному внутреннему двору. Посреди площадки возвышался массивный бронзовый треножник для плавки снадобий. Возле него, облаченный в поношенный хлопковый халат цвета индиго, усердно трудился какой-то юноша, начищая металл до блеска. Ли Мэн сразу догадался, что это и есть ученик Короля ядов. Не успел он раскрыть рот, как парень, уловив шорох шагов, резко обернулся. Окинув незваных гостей откровенно враждебным взглядом, он не проронил ни слова, лишь сердито поджал губы.

Ли Мэн мгновенно признал в нем того самого угрюмого привратника, что вчера отворял им ворота. Но если накануне его одеяние выглядело добротным и даже изящным, то сегодня он мало чем отличался от обычного монастырского служки.

— Почтенный брат, ты ведь ученик господина Суня? — вежливо заговорил Ли Мэн, повысив голос. — Твой наставник велел нам прийти. Если он сейчас свободен, не соблаговолишь ли ты проводить нас к нему?

Чжао Лои недовольно нахмурился.

Юноша, однако, даже ухом не повел — уткнулся обратно в свой котел и продолжил тереть его с прежним остервенением.

Ли Мэн смущенно кашлянул и покосился на учителя. Чжао Лои уже лениво поглаживал пальцами рукоять своего короткого клинка.

Прежде чем Ли Мэн успел повторить вопрос, одна из дверей со скрипом отворилась. Из дома вышел мужчина с мягкой полуулыбкой на лице и на удивление благородной осанкой. Посмотрев на упрямого юношу у треножника, он укоризненно покачал головой:

— Сколько раз повторять? Сегодня у нас важные гости. Я же велел тебе встретить их и доложить мне. Три года уже у меня в учениках, а ума так и не нажил. Чему тебя только учили? Прошлые уроки в алхимической лаборатории и саду уже забылись? Или тебе охота поучить правила приличия, стоя на коньке крыши?

Мальчишка резко выпрямился, его лицо густо покраснело от гнева. Сжав в кулаке грязную тряпку, он со всей силы швырнул ее в учителя. Мужчина, впрочем, без труда поймал ее на лету и легким щелчком отправил обратно — лоскут приземлился точнехонько на голову строптивцу, закрыв ему обзор.

— Не обращайтесь внимания на этого сорванца, — примирительно улыбнулся мужчина, поворачиваясь к гостям. — Характер у моего подопечного не сахар. Прошу простить за его неотесанность.

Чжао Лои промолчал, лишь слегка подтолкнул Ли Мэна вперед, увлекая его за хозяином в дом.

Внутри выстроились плотные ряды высоких книжных шкафов, похожих на молчаливых исполинов. Хозяин принялся поочередно распахивать деревянные ставни, впуская свежий воздух.

— У меня тут вечно душно, — усмехнулся он. — Те, кто не привык к резкому запаху туши и старой бумаги, находят его довольно тошнотворным.

На его одежде не было ни единого украшения: ни драгоценной нефритовой подвески, ни узорчатого пояса. Волосы были небрежно стянуты простой холщовой лентой, на плечах — скромный домотканый халат, на ногах — обычные суконные туфли. На вид ему едва ли можно было дать больше тридцати, однако виски уже густо припорошила преждевременная седина.

Почувствовав, как в спину уперся жесткий конец ножен, Ли Мэн поспешно подобрал подол халата, намереваясь совершить глубокий поклон перед великим лекарем:

— Приветствую вас, господин Сунь.

Но Сунь Тяньинь легким жестом остановил его:

— Полно тебе. Раз уж вы друзья Цяньдэ, обойдемся без этих церемоний. Садитесь где удобнее,

у меня тут беспорядок. Ну, показывайте, кого именно мне нужно латать?

Чжао Лои взял Ли Мэна за руку и усадил его за стол прямо напротив лекаря, заставив вытянуть ладонь вперед.

Сунь Тяньинь сосредоточенно прижал пальцы к запястью юноши, прощупывая пульс, и мельком взглянул на Чжао Лои:

— Твой ученик?

— Да, — коротко отозвался Чжао Лои, не сводя бдительного взгляда с рук лекаря.

Осмотрев язык и зрачки Ли Мэна, Сунь Тяньинь откинулся на спинку стула и сокрушенно вздохнул:

— Хороший мальчишка, послушный. Не то что мой оболтус — сущий бес в человеческом обличье, только и знает, что пакостить да упрямиться.

Чжао Лои едва заметно смягчился:

— В его теле засел паразит. Прошу вас, господин Сунь, спасите парня.

— Ну, за жизнь его можешь не беспокоиться, — успокоил лекарь.

Ли Мэн едва успел перевести дух, как тот продолжил:

— Но чтобы проверить одну догадку, мне придется позволить моему питомцу немного его укусить. Надеюсь, я ошибаюсь, иначе дело примет скверный оборот.

— Чего бы это ни стоило, вытащите его, — твердо, не терпящим возражений тоном произнес Чжао Лои.

— Сохранить в человеке искру жизни — задача нехитрая, — уклончиво отозвался Сунь Тяньинь.

— Мне нужен живой и невредимый человек, — упрямо повторил Чжао Лои.

Однако лекарь не спешил давать пустых обещаний. На сердце у Ли Мэна заскребли кошки. Тревога оказалась столь сильной, что когда Сунь Тяньинь извлек серебряными щипцами крошечного червячка из иссиня-черного бронзового сосуда, юноша даже не испугался. В конце концов, ему было не привыкать к укусам этих тварей.

Паразит оказался совсем крошечным и бледным, с виду похожим на обычное рисовое зернышко.

— Пускай малютка проложит тропу, — заулыбался лекарь, и лицо его приняло на удивление добродушный вид.

Глядя на его улыбку, Ли Мэн невольно проникся к нему доверием, но Чжао Лои оставался предельно собран. Он прекрасно помнил, что перед ними сидит Король ядов, способный как исцелить от любой хвори, так и отправить на тот свет быстрее, чем самый острый клинок.

— Любой наставник горой стоит за своего ученика, это мне знакомо, — ласково проговорил Сунь Тяньинь. — Этого кроху я растил целых десять лет, так что доверяю его чутью больше, чем собственным глазам. Не волнуйся.

Слова его еще звучали в комнате, когда лекарь молниеносным движением полоснул тонким лезвием по указательному пальцу Ли Мэна.

Толстый белый червячок, до этого притворявшийся мертвым, почувал запах свежей крови и без малейших колебаний юркнул прямо в свежий надрез.

В этот момент дверь отворилась, и вошел давешний юноша с подносом в руках. Ли Мэн повернулся к нему, намереваясь вежливо принять чашку чая и поблагодарить.

Но Сунь Тяньинь крепко перехватил его ладонь:

— Не шевелись. Иначе малютка сойдет с пути и не сможет выбраться обратно.

Пиала с чаем с глухим стуком опустилась перед Чжао Лои. Затем юноша поднял вторую пиалу и шагнул к своему наставнику. Одарив его свирепым, исполненным ревности взглядом, он все же сдержал порыв и аккуратно поставил посуду на край стола.

Едва за парнем закрылась дверь, Ли Мэн не удержался от вопроса:

— О вашем великом искусстве, господин Сунь, слагают легенды во всех уголках Поднебесной. Должно быть, и ваш ученик уже превзошел многих лекарей?

Сунь Тяньинь лишь тихо рассмеялся в ответ.

— Этот «маленький брат» постарше тебя будет, — сухо заметил Чжао Лои. — Да и в ядах он смыслит ничуть не меньше своего учителя. Так что чай лучше не трогай.

Поймав на себе недоуменный взгляд Ли Мэна, Чжао Лои добавил:

— Решил разбавить твое уныние, только и всего. Даже если этот малец и плеснул туда отравы, пока его учитель сидит напротив, нам бояться нечего.

Под кожей Ли Мэна, прямо от кончика пальца, пополз крошечный бугорок размером с рисовое зерно. Мальчик старался не смотреть на руку, чтобы не поддаться тошноте, но заметил, как лекарь азартно блеснул глазами. Оказалось, белый паразит уже дополз до локтевого сгиба, где пролежала зловещая багровая черта. Стоило червяю соприкоснуться с ней, как он тут же резко развернулся и устремился вспять, извиваясь так отчаянно, словно спасал собственную шкуру.

Зрелище было настолько завораживающим, что Ли Мэн даже позабыл о брезгливости.

Сунь Тяньинь подставил под его палец чашу с чистой родниковой водой. Белый червяк пулей вылетел наружу, плюхнувшись на дно. Вокруг него мгновенно расплылось тонкое облачко крови. Когда вода снова очистилась, лекарь осторожно выудил неподвижное тельце щипцами.

Прежний белоснежный окрас паразита бесследно исчез. Теперь его смоляно-черная кожица была испещрена едва заметными пепельно-серыми прожилками, сплетающимися в причудливый узор.

— Это... — у Ли Мэна от страха перехватило дыхание, он не мог вымолвить ни слова. — Что это с ним?

Всегда приветливый и улыбчивый Сунь Тяньинь мгновенно посерьезнел. Переведя тяжелый взгляд на Чжао Лои, он негромко спросил:

— С кем вы столкнулись по пути сюда?

— Обычные бродяги из цзянху, — уклончиво ответил Чжао Лои. Его холодный тон ясно давал понять, что открывать все карты перед лекарем он не намерен.

— Тот, кто сотворил это... его ведь зовут Сунь? — прищурился хозяин дома.

Ли Мэн, не дожидаясь дозволения наставника, торопливо закивал:

— Да, верно! Все звали его стариком Сунем. С виду ему лет семьдесят или восемьдесят, совсем дряхлый, а вместо ног у него — ничего, пустота ниже пояса.

На мгновение Сунь Тяньинь замер, словно провалившись в пучину старых, полузабытых воспоминаний. Лишь когда раненый червячок едва заметно шевельнулся в чаше, лекарь очнулся. Он торопливо откупорил стоявший рядом флакон, капнул в воду густую изумрудную

жидкость и, аккуратно перенеся туда еле живого паразита, плотно закрыл сосуд крышкой.

— Я умру? — тихо спросил Ли Мэн, сжимаясь от страха.

Чжао Лои хранил молчание, но его ладонь по-прежнему покоилась на рукояти меча.

— Я же сказал, твоей жизни ничто не угрожает, — ровным голосом ответил Сунь Тяньинь. — Однако для того, чтобы полностью вывести эту заразу, потребуется время и редкие снадобья, за которыми придется отправить людей. Подобных паразитов сейчас почти никто не разводит, так что быстро с этим делом не управиться. Скажите, у вас двоих есть неотложные дела?

— Есть, — безэмоционально обронил Чжао Лои. — Но мальчик может остаться здесь.

— Я не хочу оставаться! — поспешно возразил Ли Мэн.

Чжао Лои долго, изучающе смотрел на него, словно взвешивая что-то в уме. От этого холодного, расчетливого взгляда у Ли Мэна неприятно заныло под ложечкой — ему показалось, будто его оценивают, как товар на рынке. Возможно, учитель прикидывал, не станет ли обуза в дороге слишком тяжелой, а может... все еще не доверял ему до конца.

— Сколько дней потребуется на подготовку? — нарушил молчание Чжао Лои, поворачиваясь к лекарю.

— Если все пойдет гладко, начнем через три дня, — прикинул Сунь Тяньинь. — После процедуры у него наверняка закружится голова, так что лучше дать ему отлежаться хотя бы полдня, а в дорогу отправляться лишь на следующее утро.

Чжао Лои на мгновение задумался, после чего уверенно поднялся со стула, сжимая в руке ножны клинка:

— Хорошо. Поступим так, как предлагает почтенный мастер.

Едва гости переступили порог, как в комнату вошел Цзян Шу с тазом чистой воды. Смерив учителя хмурым взглядом, он сухо скомандовал:

— Закатай рукава.

На душе у Сунь Тяньиня скребли кошки, однако при виде ревливой заботы ученика он невольно слабо усмехнулся.

— И когда ты только поумеришь свой нрав? — проворчал он, но все же послушно опустил

ладони в воду, позволяя Цзян Шу тщательно вымыть ему руки.

— Не выношу, когда от тебя пахнет чужаками, — буркнул юноша, с остервенением втирая душистое мыло в бледную кожу учителя.

Вернувшись в свои покои, Ли Мэн зябко забился в угол. Болезнь вымотала его, лишив сил и всякого желания разговаривать. Заметив, что мальчишка дрожит, Чжао Лои ненадолго отлучился и вскоре вернулся с тяжелой глиняной жаровней, наполненной тлеющими углями. Ложе в комнате оказалось непривычно высоким — Ли Мэн среди сверстников всегда считался низкорослым, из-за чего в Башне Десяти Направлений над ним вечно подшучивал старший брат Шуфэн.

Чжао Лои молча наблюдал за тем, как мальчик сидит на краю постели, свесив босые ноги и отрешенно грея ладони над алым пламенем, которое окрашивало его бледное юношеское лицо в теплые багровые тона. Покопавшись в принесенном со служебной кухни холщовом мешке, мужчина достал два крупных клубня батата и небрежно бросил их прямо в золу.

Сноп взметнувшихся искр заставил Ли Мэна вздрогнуть и очнуться от забытья. Перед его носом тут же появились железные щипцы.

— Печеный слаще будет, — коротко бросил Чжао Лои.

В далеком Чжунъане в такие морозные зимние дни на каждой улочке торговали горячими каштанами и печеным бататом, наполняя морозный воздух медовой сладостью. Ли Мэн вяло размышлял о своем будущем. Очистить тело от ядовитого паразита — великое счастье, спору нет. Но что делать дальше? С его жалкими умениями нечего и думать о покушении на императора; его бы и на самое плевое задание Башни не отправили. Чжао Лои до сих пор не спешил делиться с ним секретами боевых искусств, а самому Ли Мэну не хватало смелости завести об этом разговор — учитель казался слишком загадочным, скрытным, а его планы — непостижимыми. Наверное, время просто еще не пришло. Сам того не заметив, мальчик проникся к этому грозному человеку глубоким, искренним доверием.

Однако мысль о том, что после недавних событий Чжао Лои, возможно, перестал видеть в нем верного соратника, заставляла его сердце болезненно сжиматься от уныния.

Наставник ушел во внутренние покои и долго не показывался. Ли Мэн терпеливо сидел у жаровни, а когда батат окончательно пропекся и пустил сладкий сок, аккуратно переложил горячие клубни на тарелку и спрыгнул на пол.

Едва заведя на пороге ученика, Чжао Лои быстрым, почти вороватым жестом накрыл чистым листом бумаги то, что до этого увлеченно писал.

Ли Мэн подошел ближе, пряча взгляд:

— Учитель, вот... угощайтесь. Каждому по одному.

Обуглившаяся кожура легко поддалась, и комнату мгновенно наполнил густой, лакомый аромат печеного корнеплода, даря ощущение домашнего тепла.

Ли Мэн то и дело косился на лежащую под нефритовым пресс-папье стопку бумаги. Это были не длинные свитки для каллиграфии и не тонкие листы для писем, а плотные страницы, по размеру очень похожие на будущую книгу.

Чжао Лои в пару укусов расправился со своим угощением, швырнул шкурку обратно на блюдо и нетерпеливо махнул рукой:

— Если хочешь спать, ступай во внешнюю комнату. И не тревожь меня до самого ужина.

Ли Мэн послушно побрел к выходу, но у самой двери обернулся. Великий мастер сидел за столом, в растерянности чеша затылок и хмуря лоб над бумагами. Видеть грозного воина столь озадаченным было на редкость забавно — куда интереснее его обычной ледяной невозмутимости.

Почувствовав на себе взгляд, Чжао Лои мгновенно выпрямился и с напускной строгостью процедил:

— Ступай. Мне нужно сосредоточиться.

За день наставник, похоже, измотался до предела. За ужином он без лишних слов умял три огромные чаши риса с вяленным мясом и зеленым горошком, половину пряного кролика и приговорил гору легких закусок. Ближе к ночи слуга принес глиняный кувшин, бережно укутанный тканью:

— Наша хозяйка прошлой весной приготовила эту наливку из зеленой сливы и зарыла под корнями старого дерева. Собирались откопать к середине зимы, да как раз ваши милости пожаловали. Хозяйка велела поднести вам кувшин на пробу.

Подвешенный над крошечным очагом кувшинчик приятно согревал вино, и Ли Мэн завороченно провожал взглядом каждую чарку, которую учитель подносил к губам.

Чжао Лои наклонил кувшин, убедился, что хмельная влага почти иссякла, и, наполнив последнюю чарку до краев, протянул ее приунывшему мальчишке.

Ли Мэн мгновенно оживился:

— Это мне?

Чжао Лои едва заметно усмехнулся. Ли Мэн обеими руками благоговейно принял крошечную глиняную пиалу. Напитка там было буквально на один глоток, но мальчик берег каждую каплю: он смаковал сливянку крошечными глотками, катая сладковатую жидкость на языке, а осушив чашу, еще долго облизывал губы.

— И не смотри так на меня. Больше нет ни капли, — оборвал его Чжао Лои.

Сытный ужин и теплое вино сделали свое дело. Для привыкшего к оружию Чжао Лои многочасовое корпение над свитками оказалось тяжелее любого боя, и его непреодолимо клонило в сон.

Ли Мэн некоторое время нерешительно топтался у входа в спальню. Дождавшись, пока мерное дыхание наставника подтвердит, что тот крепко уснул, мальчик бесшумной тенью проскользнул к постели и осторожно юркнул под пуховое одеяло.

В глухой темноте Чжао Лои безмолвно улыбнулся, и он притворно, очень солидно кашлянул.

Ли Мэн от неожиданности вздрогнул всем телом и едва не свалился на пол — успел лишь ухватиться за деревянный край ложа. Затаив дыхание, он робко потянулся рукой к лицу мужчины, желая проверить, открыты ли его глаза, но промахнулся и едва не выдал себя с головой. Убедившись, что Чжао Лои все еще спит, парень наконец успокоился и, словно озябший котенок, примостился под боком у наставника. Согревшись от его мощного тепла, он зажмурился и постарался поскорее заснуть.

Посреди ночи Ли Мэну стало жарко. Оказалось, Чжао Лои во сне крепко прижал его к себе сильной рукой. Лежать в этом кольце было невероятно уютно и спокойно. Мальчик выпростал ладонь из-под одеяла навстречу ночной прохладе и тихо, сладко вздохнул. В полумраке спальни он повернул голову, разглядывая мужественный профиль наставника — резкий, словно высеченный точным ударом топора, исполненный скрытой властности.

Прямой, высокий нос напоминал очертания величественного горного пика, чьи контуры никогда не утомят взор. Губы учителя были плотными, очерченными твердо и жестко. Ли Мэн, сам того не осознавая, легонько коснулся кончиком пальца его носа — тот оказался прохладным. Затем ладонь скользнула ниже, к подбородку. В последние дни им пришлось несладко, и Чжао Лои совсем забросил бритву; жесткая щетина приятно покалывала кожу, даря странное чувство защищенности и тепла, для которого у Ли Мэна не находилось слов.словно замороженный, он провел пальцем по шее наставника, коснувшись крупного кадыка. И в этот самый момент тот отчетливо дернулся.

В голове у Ли Мэна мгновенно воцарилась звенящая пустота.

"Что делать? — в панике билась мысль. — Как объяснить, почему я среди ночи лезу руками к

его шее?!"

Смертельно перепугавшись, он судорожно зажмурился и замер, притворившись бревном.

Прошли долгие минуты, но вокруг царила прежняя тишина. От невыносимого напряжения Ли Мэн, сам того не заметив, провалился в глубокий сон.

Наутро от хозяев Двора северного спокойствия пришло известие: им велели переселяться поближе к лекарю.

— Господин Сунь передал, что так ему будет проще наблюдать за маленьким молодым господином, — почтительно доложил слуга. — У него еще остались кое-какие сомнения, а постоянный присмотр поможет быстрее во всем разобраться.

Поклажи у них практически не было, так что переезд занял от силы пару часов. Обустроившись на новом месте, Ли Мэн весь день просидел взаперти, боясь отлучиться хотя бы на шаг — он все ждал, когда великий лекарь призовет его к себе для расспросов.

Однако ближе к вечеру в комнату вошел Чжао Лои, неся под мышкой два тяжелых тома.

— Учитель, вы решили заняться чтением? — искренне удивился мальчик. За все время их знакомства он ни разу не видел наставника с книгой в руках. Из любопытства он потянулся к томам и лениво пролистал их. Один оказался описанием нравов и обычаев империи Великая Цинь; книга показалась ему довольно занимательной, и он задержал на ней взгляд. На второй фолиант он даже не посмотрел.

Чжао Лои тем временем прошел во внутреннюю комнату. Извлекши из широкого рукава тонкую тетрадь без всяких надписей на обложке, он небрежным движением спрятал ее под подушку.

— Взял у господина Суня, чтобы ты не маялся от безделья, — ровным голосом бросил он.

— Спасибо, учитель! — обрадовался Ли Мэн и тут же увлеченно углубился в чтение.

Чжао Лои подошел к умывальнику. Вытерев руки холщовым полотенцем, он замер за резной ширмой-полкой, молча разглядывая уткнувшегося в книгу юношу. Мужчина судорожно сглотнул; он поспешно отвел взгляд и уставился в открытое окно.

Снаружи, прямо посреди двора, устроился Цзян Шу. На стоявшем перед ним каменном столе уютно ворчал маленький глиняный очаг с греющимся вином. Юноша лениво перелистывал

страницы старинного трактата, но при каждом движении руки бросал пристальный, колющий взгляд в сторону их окон. Столкнувшись глазами с Чжао Лои, он даже бровью не повел — с самым невозмутимым видом уткнулся обратно в книгу.

Чжао Лои мысленно подтвердил слова прислуги: этот парень действительно был с большими странностями. Например, прямо сейчас он без малейшего смущения вел за ними открытую слежку.

<http://bllate.org/book/18266/1760828>